

«МОРЕ» В РУССКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

С.А. Кошарная

Белгородский
государственный
университет

e-mail:
kosharnaja@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу концепта «Море» в контексте русской мифологической картины мира. Данный лингвокультурный концепт кодирует информацию, важную для носителей этноязыкового сознания. Как показало наше исследование, этот концепт вбирает представления о локусе границы между реальным миром и царством мертвых в русской мифологической картине мира. В ходе исследования мы исходили из анализа лексических средств как объективных репрезентаций концепта в языковой картине мира. При этом этимологический и концептуальный анализ базируется на языковых и экстралингвистических данных.

Ключевые слова: мифологическая картина мира, концепт, архетип, прототипическое значение

Введение

Вода почти во всех мифологиях ассоциируется с женским началом и концептуально связывается с основными модусами бытия – рождением и смертью. К.Г. Юнг связывал архетипический образ воды с пребыванием человека в материнской утробе, с актом рождения. Переход через водную преграду – это начало новой формы существования (рождение или смерть), отсюда женская персонализация образа смерти. По мнению В.Н. Топорова [1995: 589], один из мотивов «морского» поэтического комплекса связан с *дном* моря как образом смерти и ужаса (в архетипе *дно* – «глубокое ущелье» – семантически сближается с *пропастью*, ср.: *пропасть* – «погибнуть»), «берега гибели» или несостоявшегося (неиспользованного) рождения.

Исходя из этого, представляется целесообразным рассмотреть концепт «Море» в контексте русской мифологической картины мира.

Теоретический анализ

В последние десятилетия растет количество исследований, в которых отправной точкой является тезис о том, что «язык для его носителя выступает в качестве средства выхода на образ мира» [Залевская 1999: 37]. При этом лингвокультурологи, конституируя в качестве центральной проблему «Язык как отражение культуры народа», сегодня исходят того, что понятие языковой картины мира строится на изучении представлений человека о мире, а потому изучают в первую очередь взаимосвязь собственно языковой и концептуальной картин мира (в синхронии и диахронии). Этой проблематике сегодня посвящены работы целого ряда исследователей: Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, Е.Г. Белявской, Т.В. Булыгиной, А. Вежбицкой, В.Б. Гольдберг, М.Н. Заметалиной, В.В. Колесова, М.С. Лабашук, В.А. Масловой, Н.Л. Мишатиной, Н.Н. Семенов, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, Н.С. Поповой, В.Н. Телии, Г.В. Токарева, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлевой и др. Центральное место в работах указанных авторов отводится оязыковленным сущностям концептуального уровня.

Однако в подавляющем большинстве случаев интерес исследователей вызывают фраземы, паремии, идиомы, а вопросы культурной семантики слова, этимологии, моделирование концептуальных фрагментов национально-языковой картины мира посредством изучения тех или иных лексико-тематических групп во многом еще только ждут своего разрешения.

Между тем исследование словарного состава всегда когнитивно, поскольку создание лексики есть результат творческой деятельности человека в процессе познания окружающего мира и самого себя [См.: Уфимцева 1988: 108 и след.]. При этом слово способно не только замещать или представлять объекты действительности, но и дает возможность анализировать их, выявлять их свойства, вводить объект в систему сложных связей и отношений [Лурия 1998: 43 и далее]. Исходя из этого, слово может быть рассмотрено как источник информации об этносе, «археологический» памятник национальной культуры [В.В. Колесов, Б.А. Ларин, М.М. Маковский, Матвеева, Ю.С. Степанов, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров и др.]. Разделяя мнение исследователей, мы полагаем, что объективно существующая картина мира отражается в языке в первую очередь при помощи слов: в сло-

ве запечатлеваются этапы, моменты познания, а система образов, закрепленных в собственно лексическом составе языка, отражает особенности мировидения народа и специфику его материальной, социальной и духовной культуры, то есть репрезентирует концептуальную картину мира этноса.

Сегодня не вызывает сомнения, что вербализации концептов в целом представляют совокупный национальный тезаурус (по меньшей мере – исконный словарь нации), включая ключевые слова культуры, то есть слова, особенно важные для данной конкретной культуры. В ряд таких ключевых, концептуальных понятий, культурно значимых слов-образов мы включаем лексему *море*, которая, будучи устойчивым элементом фольклорной картины мира, соотносит последнюю с системой мифологических воззрений русичей.

Методы исследования

В качестве ведущего метода исследования в работе выступает метод лингвокультурологической интерпретации, который конституируется нами как особый метод лингвистического исследования. Кроме того, в работе нашли применение сравнительно-сопоставительный (включая историко-типологический), сравнительно-исторический и этимологический методы.

Экспериментальная часть

Вероятно, корни реалионима *море* уходят в индоевропейский праязык. Основа **mor-/*mar-* была широко распространена в древнеевропейских диалектах, ср.: арм. *tawr* – «болото», др.-исл. *marr*, др.-англ. *mere* – «море, озеро», слав. *morje* – «море», в ряде русских говоров (олонец., онежск.) *море* – «озеро», укр. диал. *морюва* – «болото». Таким образом, праязыковой аналог слова *море* обозначал не только собственно море, но и озеро, болотистое озеро, болото.

В то же время лексема *море*, по нашему мнению, этимологически соотносится с именем языческой богини смерти *Моры (Мары)*, известной всем славянским народам (ср.: зап.-слав. *Моряна* – богиня смерти; полесск. *Марушка* – мифологический персонаж-устрашитель, которым пугали детей; севернорус. *Мара* – «мифологический персонаж-устрашитель, которым пугали девушек» и подоб.) и типологически во многом сходная с *русалкой, Мокошью*, – также традиционно женский персонаж. Став нарицательным, существительное *Мора* получило различные значения по славянским языкам: укр. *мора* – «нечистый дух», болг. *мор* – «ночной кошмар», с.-хорв. *мора* – «домовой, кошмар», польск. *мога, тага* – «кошмар» и *тага, змога* – «ходячий покойник» и т.п. В то же словообразовательное гнездо входит рус. *умора* (от *уморить*), белорус. *моркі* – в белорусских проклятиях эвфемистическое название болезни, специально насылаемой на человека.

Следовательно, корень **mor-*, с одной стороны, соотносился с общим именованием водоемов, а с другой – актуализировал мифологему смерти как перехода через водную преграду. Исходя из данного положения, и.-е. корень **mor-* может быть рассмотрен как синкрета: «вода»+«смерть». Соответственно мифоним *Мора*, основа которого в архетипе членится на корневую морфему и детерминатив со значением *agensis* – действующего субъекта, может быть реконструирован как «умерщвляющая», а лексема *море* могла обозначать смерть как локус (ср. слово *смерть* (др.-рус. *сѣмьрть*) с приставкой присоединения (*сѣ-*), отражающее в протозначении присоединение к области нахождения мертвых).

Следует отметить, что значение слова *море* в фольклорных текстах не тождественно современному, поскольку древние славяне не имели связи с реальным морем, как и с мореплаванием, так как жили достаточно далеко от морей [Ковалев 2000: 86 и след.]. Историки полагают, что мореходство на Руси имеет не столь давние традиции, а потому *море* для русича – образ не столько реальный, сколько фантастический, мифологизированный. Поскольку в языках всегда «разработано» то, что близко, понятно, знакомо и значимо, можно утверждать, что славяне не «наблюдали» море вблизи. Так, фольклорное море мало похоже на настоящее. Его цветовая гамма бедна: оно почти всегда синее (*синий* – это изначально «черный, блестящий»). Исходя из этого, внутренняя форма общеславянского слова *море* не связывалась ни со значением солёности, ни со значением большого количества воды.

Как указывает В.Н. Топоров, *море* связано с архетипом воды и символизирует царство смерти и царство сновидений [Топоров 1995: 581]. Легендарный Харон пользовался водным путем для перевоза усопших в страну мертвых. По мнению Ю.С. Степанова [1997:

191], нем. *die Mare* (тоже женского рода) – «природный дух, который, по народным германским представлениям, может являться людям в виде ночных кошмаров, когда «некто душил человека»» – и славянское *Мора* – «богиня смерти, соотносимая с морем как локусом небытия» – родственны и.-е. **mer-* – «душить, давить». Это позволяет допустить, что и.-е. основа **mor-/mar-/mer-* родственна **mor-t(h)-o-* – «умирать» (ср.: *смерть, мор, мертвый, мары* (курск., судж.) – «носилки, на которых носят хоронить мертвых» и т.д.).

Отсюда сказочное *лукоморье* – буквально «излучина моря» – это «иной», неведомый мир. *Буян*, остров, упоминаемый в русских сказках и наделенный фантастическими чертами «потустороннего» мира, также находится далеко за морем. В заговорах Буян – место пребывания мифологических персонажей, помощь которых придает заклинательную силу. Название этого острова происходит от прилагательного *буйный*, родственного др.-инд. *bhuuyisthas* – «самый сильный, очень сильный» [Фасмер I: 234], и, видимо, семантически и этимологически связано с др.-рус. *боуи* – «кладбище» (на возможность такой связи указывали А.А. Потебня и А.Г. Преображенский). Следовательно, остров Буян эквивалентен раю в его языческом представлении (слово *рай* было перенято христианством у язычников). Рай у древних славян «знаменовал расплывчатое широкое понятие о загробном мире вообще, отделенном от мира живых водной преградой» [Трубачев 1997: 40]. В этом контексте заслуживает внимания непопулярная, по мнению М. Фасмера, этимология слова *рай*, согласной которой слав. **rajь* родственно *рой, река* (аналогично *край: кроить*), что позволяет восстановить протозначение лексемы *рай* как «море, течение» [Holub, Кореспу ESJČ: 309 – Цит. по: Фасмер III: 436].

На наш взгляд, данная точка зрения имеет не только лингвистические основания, но и поддерживается культурологическим фоном. Аналогом общеславянского рая в фольклоре восточных славян выступает *Вырий*, или *Ирий*, – сказочная теплая страна, в которую на зиму улетают птицы; потусторонний мир. Локализация Ирия в некоторых фольклорных произведениях на берегах Черного моря позволяет, по мнению В.Н. Топорова [1994: 131], сопоставить эту страну с готским Ойумом. Наиболее вероятной этимологией слова В.Н. Топоров считает возведение его к и.-е. корню **ur-ьjь* от **ur* – «вода», может быть, «море» (ср.: балт. *jura* – «море», откуда *Юрмала*), свидетельствующему о том, что поверхность воды ассоциировалась с областью смерти. В этой связи представляют интерес гидронимы *Вырь, Выр* – названия, репрезентирующие концептуальную связь воды с «тем светом» (ср.: диал. *вир* – «глубокое место в болоте, реке», где живет *вировник* – «черт»). Об этом свидетельствуют также общеславянские поверья о воде как месте зимнего пребывания некоторых персонажей нечистой силы и мифологизированных животных.

Известно, что смерть, по представлениям древних, не столько конец жизни, сколько переход в иную реальность (*отправиться на тот свет, переселиться в иной мир*; ср.: полесск. *на дорозе* – «быть при смерти»). Такой «иной реальностью» в русской мифологической картине мира и оказывается *море*. При этом концептуально «Море» репрезентируется фреймами «край света, конец реального пространства», «путь до неведомой, далекой, чужой земли». Понимание моря как пути имеет типологические параллели и в других языках и мифологиях. Например, в греческом языке *море* – *ποντας* (ср.: рус. *путь*, ст.-сл. *пѣть*). Толкуя значение древнеиндийского *panthah*, родственного словам *путь, pontos*, Э. Бенвенист [1974: 339] писал, что ближайшим эквивалентом здесь будет скорее «переход, преодоление», нежели «дорога». Неслучайно жрец в Древнем Риме назывался *pontifex* – «строитель моста», поскольку он представлялся строящим переход, переправу между миром мертвых и миром живых. Однако следует отметить, что в праславянском **dorga* (> рус. *дорога*) также имело отличное от современного значение и означало «*быстрина, узкий залив*», то есть «*путь по воде*» [Филин 1984: 97]. Таким образом, реки воспринимались славянами как пути в иной мир, в то время как море – это уже собственно локус небытия, место нахождения персонифицированной смерти – *Моры (Мары)*.

Н.И. Костомаров, а вслед за ним А.Т. Хроленко отмечают, что в этнографических и фольклорных записях *море* – символ неизвестности и гибели. Как полагает А.Т. Хроленко, фольклорное сочетание «синее море» содержит в себе семантический нюанс «далеко»; следовательно, концептуальная оппозиция «*Суша*» – «*Море*» накладывается на противопоставление «*Близкий*» – «*Далекий*». В то же время словосочетание «*синее море*» ассоциируется с существительным *корабль* – конкретно-образным символом *дали (уплывающий далеко)* [Хроленко 1992: 101-102].

Наш материал показал, что в контексте концептуального параллелизма «Вода» – «Путь» выстраивается синонимический символичный ряд *лодка – гроб – корабль*, непосредственно связанный с понятийным комплексом «море». Так, корабль – устойчивый, традиционный фольклорный образ. При всех семантических расхождениях данного слова по разным славянским языкам здесь везде выявляется архисема «скрытый, укрытый», ср.: болг. «центральная часть здания», «корабль», «большой деревянный чан для перевозки винограда», чеш. «корабль», др.-рус. «корабль», «ковчег», при этом *ковчег* – это «ларец», «сундук», «ящик», одним словом, «хранилище». *Ковчегом*, в свою очередь, называли также раку, гробницу, и корабль ветхозаветного Ноя. Следовательно, *корабль* на уровне символа также соотносится с концептуальным комплексом «Смерть». Полагаем, что исходное значение слова *корабль* в славянском («вместилище, хранилище», «гробница», «укрытие» и подоб.) концептуально связано не с *морем* как «частью Мирового океана», а с морем как «царством мертвых», потусторонней областью.

Косвенным доказательством здесь могут служить этнографические сведения. Так, по свидетельству одного из арабских путешественников, в кораблях, установленных на суше, русичи сжигали своих покойников, то есть корабль служил в похоронном обряде домовиной, «домом мертвого». Возможно, такая обрядовая практика наследуется русичами от варягов. По свидетельству историков, скандинавы, появившись на Ладоге еще в середине VIII века, в IX-X веках оставляют небольшой некрополь в урочище Плакун, содержащий несколько трупосожжений в ладье: *ладья* (рус. *лодка*) – важнейший для «русигребцов» социальный и ритуальный символ. Однако, по нашему мнению, подобная обрядность у славян имеет автохтонное происхождение и знаменует изменение похоронного обряда (сплавнение по воде > кремация). Так, по мнению В.М. Мокиенко, древнейшее представление о погребении в ладье, устойчивая связь перехода в «тот свет» с плаванием позволяет связать известный славянский мифоним *Навь* (первоначально – божество смерти древних славян; ср. в др.-рус.: *навь*, *навьи* – умершие предки, покойники, мертвецы) с др.-греч. *naō* – «плыву», *nautēs* – «пловец», *nautilus* – «моряк», лат. *navis* – «корабль», так как славянский *Навь* обеспечивал переправу усопших в иной мир [Мокиенко 1990: 104-105]. Такая этимологическая связь подкрепляется мифологической концептуализацией морского пути как дороги в иной мир.

По-видимому, подобную символику, но другой направленности, несла и *колыбель*, по форме – та же лодка (в которой человек «приходит» в «этот» мир из небытия). Существительное *колыбель*, характерное только для восточнославянского ареала, образовано от глагола *колыбать* «качать, укачивать», родств. *колебать*; то есть в названии отразился характер движений раскачивающейся колыбели, причем движений, по ощущениям напоминающих раскачивание на волнах (ср. аналогичное соответствие: *качка* – о колебательных движениях судна, укр. *качка* – «утка» – и *качка* (диал.) – колыбель на изогнутых опорах, позволяющих качать ребенка; а также отмеченное в словаре-дневнике Ричарда Джемса *колыбка* – «волны, качка»).

Представляется, что образ бочки, плывущей по волнам («куда вынесет»), почерпнутый А.С. Пушкиным из фольклорного источника, уходит корнями в область архаических народных представлений. Бочка, в которой «не по дням, а по часам» растет князь Гвидон, – та же колыбель, выносящая его в жизнь (ср. с символически тождественным образом *корзины*, в которой приплывает младенец в некоторых русских сказках). У восточных славян известны присловья, в которых говорится о том, что младенца приносит вода (речная, озерная, болотная, дождевая). Особенностью украинских вариантов является при этом то, что обнаруживает детей в воде почти неизменно некая баба, часто именуемая *Марийкой* (просматривается связь с *Марой* – С.К.) [См. об этом: Виноградова 2000: 352]. При этом колыбель связывают с моделями повозок, лодок. Этнографические данные свидетельствуют, что колыбели других народов также изготавливались в форме лодки. Архетипическое значение нарицательного *лодка* (с учетом межязыковых соответствий) реконструируется как «корыто» [Фасмер II: 510]. Обратим внимание, что *гроб* (данное слово знаменует утверждение более позднего обряда собственно *погребения*, ингумации; при этом в корне наблюдается чередование *гроб-/греб-*), – также имеет форму лодки-плоскодонки, что, вероятно, идет из глубокой древности и является реминисценцией старшей похоронной обрядности.

Выводы

В русской мифологической картине мира *море* выступает не столько в качестве географического локуса, сколько оказывается «иной реальностью». При этом концептуально «Море» репрезентируется фреймами «край света, конец реального простора», «путь до неведомой, далекой, чужой земли». Понимание моря как пути имеет типологические параллели и в других языках и мифологиях. Сравнительный анализ семантики разноязыковых лексем, этимологически родственных слову *море*, позволяет допустить, что и.е. основа **mor-/*mar-/*mer-* родственна **mor-t(h)-o-* – «умирать»

Наши рассуждения позволяют заключить, что *корабль*, *колыбель* и *лодка* выступают в мифологической картине мира как символический комплекс, где колыбель – лодка, в которой человек приходит в мир, приплывает; а корабль – лодка, уносящая его в небытие. Таким образом, море в русской мифологической картине мира последовательно концептуализируется как «иной мир».

Проведенный анализ свидетельствует, что информация культурного характера о национально-культурной картине мира, актуальной для того или иного хронологического этапа, может быть извлечена из лексической семантики.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – 432 с.
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
4. Ковалев Г.Ф. Роль ономастики и этимологии в изучении славянских народов и их языков // Русский язык вчера, сегодня, завтра. – Воронеж, 2000. – С.85-88.
5. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: МГУ, 1998. – 336 с.
6. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1990. – 160 с.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
8. Топоров В.Н. Из индоевропейской этимологии // Этимология 1991-1993.- М.: Наука, 1994. – С.126-164.
9. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.
10. Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М.: Наука, 1997. – 281 с.
11. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С.108-140.
12. Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1-4.- М.: Прогресс, 1986-1987.
13. Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. – М.: Наука, 1984. – 174 с.
14. Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 140 с.

«SEA» IN THE RUSSIAN MYTHOLOGICAL WORLD PICTURE

S.A. Kosharnaja

Belgorod state university

e-mail:
wera_kosharnaja@bsu.edu.ru

This article analyses the concept «Sea» in the context of Russian mythological world picture. This lingvoculturological concept encodes information important for those having ethnolinguistic awareness. As our research has shown this concept includes an idea of a locus of the border between the real world and the world of the dead in the Russian mytholog. For the purpose of the research, lexical means have been analysed as objective representations of the concept in the language world picture. For all that? The etymological and conceptual analyses are based on linguistic and extralinguistic data.

Key words: language world picture, mythological world picture, concept, archetype, prototypical meaning.